ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

П. И. КУШНЕР (КНЫШЕВ)

ОБ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Изучение культуры и быта крестьян всегда составляло одну из важнейших задач русской этнографической науки. В программе 1847 г. для собирания сведений по этнографии русского народа, составленной Н. И. Надеждиным и разосланной Географическим обществом всем корреспондентам, рекомендовалось собирать сведения о тех «классах населения, в коих народные особенности сохраняются наиболее; таковы в племени русском: *весь так называемый простой сельский народ,* а также и средние классы горожан: мещане, купцы и разночинцы; одним словом, все те, о которых говорится, что они живут еще попросту, по-русски». Все последующие этнографические программы, преследовавшие цель изучения народной жизни, неизменно отмечали необходимость собирать сведения о крестьянстве. И это объяснялось тем, что у крестьян в дореволюционной деревне, где материальный, семейный и общественный быт гораздо дольше, чем в городе, сохранял свою традиционную форму, прочно удерживались старые национальные обычаи.

Дореволюционная русская этнография накопила большой опыт научного описания крестьянского быта; программы собирания материалов были тщательно разработаны и методы исследования уточнены во время полевых работ. Этими программами можно было бы воспользоваться и советским этнографам при изучении современного крестьянского быта, если бы объект этнографического изучения остался прежним; но советское, колхозное крестьянство совсем не похоже на старое крестьянство. И. В. Сталин в докладе о проекте Конституции Союза ССР на VIII Всесоюзном съезде Советов в 1936 г. говорил:

«Обычно принято говорить, что крестьянство — это такой класс мелких производителей, члены которого атомизированы, разбросаны по лицу всей страны, копаются в одиночку в своих мелких хозяйствах с их отсталой техникой, являются рабами частной собственности и безнаказанно эксплоатируются помещиками, кулаками, купцами, спекулянтами, ростовщиками и т. п. И действительно, крестьянство в капиталистических странах, если иметь в виду его основную массу, является таким именно классом. Можно ли сказать, что наше современное крестьянство, советское крестьянство, в своей массе похоже на подобное крестьянство? Нет, нельзя этого сказать. Такого крестьянства у нас уже нет. Наше советское крестьянство является совершенно новым крестьянством. У нас нет больше помещиков и кулаков, купцов и ростовщиков, которые могли бы эксплоатировать крестьян. Стало быть, наше крестьянство есть освобожденное от эксплоатации крестьянство. Далее, наше советское крестьянство в своем подавляющем большинстве есть колхозное крестьянство,

т. е. оно базирует свою работу и свое достояние не на единоличном труде и отсталой технике, а на коллективном труде и современной технике. Наконец, в основе хозяйства нашего крестьянства лежит не частная собственность, а коллективная собственность, выросшая на базе коллективного труда.

Как видите, советское крестьянство — это совершенно новое крестьянство, подобного которому еще не знала история человечества» [1].

Ясно, что изучать это новое крестьянство по старым этнографическим программам нельзя. В течение многих лет после коллективизации этнографы ограничивались изучением того старого, что сохранялось в колхозной деревне, но, начиная с 1947—1948 гг., Институт этнографии АН СССР приступил к изучению культуры и быта колхозного крестьянства. Были разработаны и опубликованы программы для сбора этнографических материалов по колхозам Казахской ССР (программа О. А. Корбе), Прибалтийских республик (программа П. И. Кушнера) и народов Поволжья (программа Н. И. Воробьева).

В журн. «Советская этнография» за 1948—1951 гг. появились многочисленные статьи-очерки (в общей сложности — более двух десятков статей) о жизни колхозного крестьянства разных национальностей. Этнографический материал, легший в основу этих очерков, был собран научными сотрудниками Института этнографии АН СССР во время их полевой работы. Аналогичную исследовательскую работу вели и другие этнографические учреждения нашей страны. Однако далеко не все опубликованные исследования оказались удачными, и это дало возможность некоторым этнографам старой, дореволюционной школы утверждать, будто советская этнография пошла по неправильному пути и что задачей советских этнографов попрежнему должно оставаться изучение только далекого прошлого и пережитков этого прошлого в современности («живая старина»!). Такая точка зрения глубоко ошибочна.

Предмет этнографической науки — изучение этнической или национальной специфики народов. Нации отличаются друг от друга не только по языку и условиям жизни, но и по духовному облику, выражающемуся в особенностях национальной культуры. Это в полной мере относится также к социалистическим нациям, возникшим в результате коренного преобразования прежних буржуазных наций, и к тем новым, социалистическим нациям, которые формируются из народностей лишь в период социализма. Период победы социализма, как учит товарищ Сталин, не создает еще условий для отмирания национальных особенностей и слияния наций, «наоборот, этот период создает благоприятную обстановку для возрождения и расцвета наций» [2] и национальных культур.

Национальные формы культуры изучают разные науки, но есть такие стороны национальной культуры, которых не изучает никакая другая наука, кроме этнографии: поселение и жилище, одежда, пища, народное творчество, уклад домашней жизни, быт во всем его многообразии. Без изучения этих сторон жизни народа никакая характеристика социалистической нации не может быть полной.

Этнографы не выполнили бы своих задач, если бы отказались от изучения современной культуры и быта народа. Такое изучение явится ценным вкладом в науку о нации, о закономерностях развития национальной специфики в условиях социализма и может иметь большое практическое значение. Задача состоит в том, чтобы, опираясь на имеющийся уже опыт, разработать новую методологию и новую методику этнографического изучения народной жизни.

На этнографическом совещании, состоявшемся в Москве в январе—

---

[1] И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 511—512.
[2] И. В. Сталин, Соч., т. 11, стр. 345.

феврале 1951 г., были заслушаны и обсуждены 18 докладов об этнографическом изучении быта колхозного крестьянства и рабочих. Этнографическое изучение рабочих, как было признано единогласно всеми участниками совещания, не вышло еще из стадии первоначальных исканий, докладчики не могли предложить ни четкой методологии, ни особых методов сбора материалов, не уточнили даже объекта изучения. Вследствие этого было решено поставить вопрос о методах этнографического изучения рабочих на широкое обсуждение в печати и созвать в 1952 г. специальное совещание по этому вопросу. Но и методы этнографического изучения колхозного крестьянства не вполне удовлетворили участников совещания. В прениях по докладам отмечалось, что многие авторы докладов (и опубликованных в печати очерков) не сумели раскрыть национальную специфику крестьянского быта, показать достаточно отчетливо происшедшие в нем изменения. Так как подобные замечания высказывались в отношении большинства докладов, напрашивалось предположение, что имеется какая-то общая причина всех этих неудач и что, повидимому, дело не в личных недостатках работы отдельных авторов, а в несовершенстве методов исследования или в неудачном выборе объекта для этнографического изучения.

Докладчики называли свои исследования «монографиями», и действительно они старались дать всестороннее описание жизни того или другого колхоза и быта колхозников. Результаты, однако, получились неудовлетворительные.

Некоторая часть этнографов, мнение которой выразил проф. Г. С. Читая, объяснила неуспех исследований тем, что они строились монографически. По мнению этих этнографов, многообразие тематики, охватывающей все вопросы производства, культуры и быта колхозного крестьянства, не под силу одному исследователю. Этнографическое изучение должно вестись по отдельным темам, охватывать более широкие районы, и тогда результаты будут иными. Объектами изучения могут быть жилище, семья, одежда, а не быт колхозников в целом.

Защитники монографического изучения в свою очередь отстаивали правильность применяемого метода, указывая, что быт и культура теснейшим образом связаны с производством и находятся от него в громадной зависимости, поэтому понять процесс формирования нового быта можно только в том случае, если будут выяснены значение и формы воздействия производства на все стороны быта. Отрывая быт от производства, исследователь метафизически отделяет следствие от причины.

И хотя в конце концов участники совещания согласились, что противопоставлять монографическое изучение тематическому не следует, основная причина неудачи, наличия которой отрицать нельзя, так и осталась невыясненной.

Г. С. Маслова объясняла недостатки публикаций и докладов краткой формой их; это объяснение было подхвачено некоторыми другими докладчиками. Однако, по моему мнению, причина неудачи не в этом. Конечно, в небольшой статье или в кратком докладе очень трудно отразить детали изучаемого этнографами процесса изменения быта колхозного крестьянства, но ведь авторы, как правило, не давали и обобщений. И если этих авторов обвиняли в том, что они не вскрыли этнической специфики быта тех народов, которые ими изучались, то это касается не только деталей, но и выводов, общих характеристик.

Чем отличаются почти все статьи-очерки этнографов по колхозной тематике? Прежде всего, своей схематичностью, скелетообразностью. Большинство статей представляет собой скупой перечень ответов на анкету. По характеру публикуемого материала видно, что материал этот собирался опросным путем, наспех, без дальнейшего изучения корней отмеченного явления, процесса его развития. Материал, следовательно, не изучен, а лишь разведан.

Во-вторых, также несомненно, что один из основных методов этнографического изучения — личные наблюдения исследователя — находился в загоне, ему не было придано настоящего значения. И такое явление объяснялось, вероятно, тем, что большинство этнографов, опубликовавших очерки, до смешного малое время потратили на изучение сложных процессов изменения быта в границах того «объекта», который они взялись изучать. Как правило, на полевую работу тратилось не более двух-трех недель, а некоторые «исследователи» ухитрились пробыть в колхозе, который ими изучался, всего несколько дней. И если через год или два этнограф снова посещал этот колхоз, то и тогда он оставался в нем только два-три дня. Формально этнограф как будто «изучал» этот колхоз в течение нескольких лет, но в действительности он был там в общей сложности не более месяца. Мог ли исследователь обнаружить в результате такого изучения главное и основное в процессе изменения быта, в ходе развития социалистической культуры? Мог ли он сделать какие-либо научные обобщения?

Не только научных обобщений нет во многих опубликованных статьях-очерках, но нет и научных описаний. Что же это за этнографическое исследование, которое в результате полевой работы не дало достаточного материала, требующего описания? В тех же случаях, когда такие описания попадаются в статьях по колхозной тематике, они касаются или вовсе не входящих в круг научного изучения этнографа явлений (описание колхозного производства как такового) или относятся к явлениям и объектам, давно уже описанным (и гораздо более тщательно и подробно) в старой этнографической литературе. А вот научного описания того нового, что характеризует быт колхозного крестьянства, в статьях очень мало.

Почему научное описание, как правило, почти не занимает места в этих очерках? Вероятно, потому, что у авторов не было времени длительно наблюдать быт и фиксировать его отдельные стороны с той точностью, какая требуется при этнографическом изучении. Если же этнографический материал собирается наспех и неполно, если этот материал не описан надлежащим образом, исчезает база для научных обобщений. Тогда место научно обоснованных выводов занимает общая фраза, штамп, шаблон, отражащие не собственные выводы исследователя, а какие-либо ходячие, в общем, может быть, и правильные, положения, которые можно «сформулировать» без всякого этнографического изучения.

Дело, по-моему, вовсе не в том, монографически или тематически изучается быт колхозного крестьянства, а в том, изучается ли он глубоко, научно или поверхностно. И если значительная часть опубликованных очерков по этой тематике лишена исследовательских моментов, то это является прямым следствием поверхностно проводимой полевой этнографической работы.

Монографическое изучение быта требует от исследователя много сил и времени, но вполне осуществимо и оправдало себя. Я укажу на монографические исследования Тана-Богораза, Штернберга, В. Серошевского и др. Эти монографии дают богатейший материал о быте народов, изучавшихся исследователями. Ими затронуты все стороны быта, и это было возможно лишь потому, что исследователи жили среди изучаемого населения годами (правда, не всегда по своему желанию!). Для советского исследователя стационарный способ изучения народного быта является всегда доступным, но, к сожалению, применяется исключительно редко. Между тем для этнографа он часто становится обязательным — монографию по сложному объекту нельзя дать в слишком короткий срок; в особенности это касается изучения процессов изменения быта, никогда не проходящих молниеносно. Чтобы наблюдать их, нужно жить среди изучаемого населения в течение длительного времени.

Конечно, при бригадном (коллективном и комплексном) изучении объекта срок можно и сократить, но все же требуется наблюдать жизнь колхозного крестьянства в разные сельскохозяйственные сезоны. В тех случаях, когда исследованием занимается целый коллектив этнографов, необходима четкая общая программа и общее научное руководство. Только при таких условиях изучение отдельными специалистами селения и жилища, домашнего быта, общественного быта, народного творчества и пр. может привести к общим, согласованным выводам. Для подобного изучения (включая и предварительную разведку) потребуется не менее двух-трех лет. Вот почему монографическим изучением культуры и быта колхозников в том или другом селе или ауле не следует злоупотреблять: это большая и долговременная работа, которая отнимает у исследователя все его время на длительный срок и которая не может делаться мимоходом в порядке выполнения «очередных заданий».

С самого начала изучения так называемой колхозной тематики среди этнографов не существовало разногласий о том, что изучается не сам колхоз как форма хозяйственной организации, а культура и быт колхозников. Однако отсутствие на первых порах методических разработок (схематических планов, программ для сбора этнографических материалов и пр.) приводило к рецидивам неудачных опытов изучения этнографами колхозов в 1935 г. Исследователи начинали заниматься организационными вопросами колхозного строительства, историей классовой борьбы в деревне и пр., забывая подчас о национальной специфике быта и вообще о быте.

По мере продвижения изучения значительно четче выявлялись основные его задачи. Было признано, что основной целью разработки колхозной тематики является изучение процесса изменения быта колхозного крестьянства и роста его социалистической культуры. Во время полевой работы этнограф должен выявить подлежащий изучению материал, научно описать его, сопоставить, проанализировать, установить генезис и ход развития, чтобы получить возможность выявить движущие силы процесса изменения быта, борьбу нового со старым, сохранение национальной формы, новое содержание национальных форм.

Изучая быт колхозников, этнограф не может оставить вне поля зрения важнейшие факторы, влияющие на изменение этого быта, среди которых большое место занимают производство и экономика колхоза. Но одно дело — установить это влияние, а другое — заняться исследованием производственных или экономических процессов. Отсутствие опыта в использовании данных смежных дисциплин приводило нередко к тому, что этнографы начинали изучать урожайность, прирост поголовья, удойность, правильность использования в колхозе труда и материалов, выполнение колхозом производственных планов, постановлений Советского государства и партии Ленина — Сталина, касающихся колхозного производства. Не являясь специалистами ни в области сельскохозяйственного производства, ни в области колхозной экономики, этнографы делали много ошибок и, конечно, не могли глубоко раскрыть ни производственных, ни экономических процессов. Между тем читатель, введенный в заблуждение тем, что этнограф заявлял, будто он изучает колхоз «монографически», т. е. всесторонне, требовал от него полноты данных об этом колхозе и в первую голову о его производстве; приводимые этнографом случайные и к тому же недостаточно разъясненные цифры, относящиеся к колхозной экономике, также не могли удовлетворить читателя. Нельзя сказать, что увлечение цифровыми показателями, не используемыми позже в исследовании, преодолено этнографами полностью и в настоящее время.

И все-таки указанные выше ошибки оказались бы сравнительно легко исправимыми, если бы исследователи не сбились с основной своей темы — изучать народную жизнь в ее бытовых проявле-

ниях, а не «экономическое положение колхозного крестьянства» или «организацию сельскохозяйственного производства». Можно было бы несколько упрощенно определить задачу этнографического описания как показ советского образа жизни в деревне. Но перед этнографом стоит не только такая статическая цель, ему нужно исторически изучить изменение форм быта, появление нового содержания в старых формах и рождение новых форм, развитие социалистической культуры, Словом, кроме научного описания, нужно произвести научное исследование современной культуры и современного быта колхозного крестьянства.

Не все стороны быта и тем более культуры колхозников находятся в прямой зависимости от колхозного производства и от колхозной экономики. Разве социалистическое сознание колхозников формируется только под влиянием колхозной экономики? Разве на него не влияет советский строй в целом? Разве на него не влияет идеологическая роль партии Ленина — Сталина? Разве советская школа, изба-читальня, советская пресса, радио, кино и различные формы культурного обслуживания населения не помогают формированию этого сознания? А ведь от степени развития этого сознания зависит и быт. В советском социалистическом обществе сама экономика подчиняется человеческому сознанию (социалистическому сознанию!) — на этом основано наше плановое хозяйство. Как же можно целиком подчинять этнографическое изучение колхозного крестьянства задаче описания только тех процессов, которые протекают в колхозном производстве и колхозной экономике,— это значило бы сделать исследование однобоким. Это было бы рецидивом примитивного экономизма в объяснении общественных явлений. И если даже колхоз берется лишь как территориальная единица, в границах которой живет крестьянское население, то и это неправильно. Колхоз — не столько территориальная, сколько хозяйственная организация. Крестьянство, которое изучает этнограф, живет не в колхозах, а в населенных пунктах — селах, деревнях, аулах, кишлаках, станицах и пр. Наряду с членами колхозов в этих населенных пунктах живут и нечлены — сельская администрация, сельская интеллигенция, рабочие МТС и соседних предприятий, причем нередко в одной и той же семье есть и члены и нечлены колхоза. Это все трудящиеся, жизнь которых на селе нужно изучать,— сельский быт складывается не без их участия. Более того, перечисленные нами группы населения являются в быту передовыми и наиболее активными.

Отсюда следует, что основной территориальной единицей при монографическом изучении должен быть не колхоз, а село, иногда группа близлежащих населенных пунктов. В этих населенных пунктах этнограф изучает формы поселения, типы жилищ, их внутреннее устройство и убранство, домашний быт и его особенности, вызываемые колхозным производством, семейные отношения, общественный быт, культуру, народное творчество — во всем многообразии их форм и генетическом развитии.

Изучать все это нужно этнографическими методами, не мудрствуя лукаво, твердо помня основную цель такого изучения — выявить процесс формирования социалистического быта и развития социалистической культуры, сохраняющей свои национальные формы.

Значит ли это, что культура и быт сельского населения в СССР должны изучаться лишь монографически? Нет, вовсе не значит. Монографическое изучение не может охватить всю территорию Советской страны, оно по необходимости должно быть сконцентрировано лишь на нескольких наиболее важных в смысле изучения объектах. На ближайшие годы Институт этнографии АН СССР наметил только четыре пункта такого монографического изучения. Но любая из сторон народной жизни, изучаемых этнографией, может исследоваться тематически, например, сельское жилище у определенных народов, одежда, пища, семья и брак, воспитание

детей, положение женщины в семье и в обществе, взаимотношения поколений в прошлом и теперь, народное искусство, фольклор и другие более крупные и менее крупные темы и разделы,— все они изучаются и будут изучаться этнографами независимо от того, предполагается ли в каком-либо селе или ином населенном пункте поставить монографическое многолетнее изучение всех сторон жизни. От характера, а также от самого исследователя зависит распространить район изучения на целый народ или ограничиться какой-либо областью, районом, а может быть и отдельным населенным пунктом.

Методы тематического изучения не вызывают пока споров среди советских этнографов, а потому об этом можно в данной статье не говорить.